

A photograph of a snowy landscape. In the foreground, a series of footprints leads from the bottom center towards the middle ground. The snow is bright white with some shadows. Scattered throughout the scene are several dried, brown stalks of plants, possibly reeds or grasses, protruding from the snow. The background shows a continuation of the snowy field under a bright sky.

АЛЕКСЕЙ АГАПОВ

ОХОТНИКИ

Алексей Александрович Агапов

ОХОТНИКИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18912684

ISBN 9785447486716

Аннотация

Как необходимость определённого поведения любого из объектов Солнечной системы обусловлена наличием других её объектов, а в конечном итоге – Солнца как центра тяжести всей системы, так и здесь. Определив в качестве центра тяжести любую произвольную точку данного скопления текстов и проследив из этого центра поведение каждой из действующих в скоплении сил, окажется вовсе не трудным сделать те необходимые выводы, которые следует сделать.

Содержание

Предуведомление	6
Введение	8
Встреча с матёрым1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Охотники

Алексей

Александрович Агапов

*Федосеевой Ольге Романовне,
уроженке города Калуга*

© Алексей Александрович Агапов, 2017

ISBN 978-5-4474-8671-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предуведомление

Сразу отметим, что данная работа ни в коей степени не является научным трудом. По крайней мере, в строгом понимании этих слов. Нашей целью не было охватить проблему во всём её великом объёме, провести всестороннее исследование, найти причины и сделать прогноз далёких последствий; пусть этим займутся люди более сведущие и компетентные. Да и сама проблема кажется здесь не вполне ясной и, в каком-то смысле, вовсе не обозначенной. Говорить о сделанных открытиях, в связи с этим, не приходится.

Нельзя также считать, что перед вами – сборник статей. Под сборником следует понимать издание, хоть и сцепленное единой тематикой, но всё же слишком разобщённое в отдельных своих частях, связанных, повторимся, лишь темой, но не внутренней логикой.

Данная работа мнится, скорее, неким скоплением текстов, которое, как и любое другое скопление, может казаться лишённым какой-либо связи между отдельными своими включениями, если взглянуть на него лишь мельком, со стороны, но которое всё же обнаруживает внутреннюю логическую структуру при более детальном рассмотрении. Как необходимость определённого поведения любого из объектов Солнечной системы обусловлена наличием других её

объектов, а в конечном итоге – Солнца, как центра тяжести всей системы, так и здесь. Определив в качестве центра тяжести любую произвольную точку данного скопления текстов и проследив из этого центра поведение каждой из действующих в скоплении сил, окажется вовсе не трудным сделать те необходимые выводы, которые следует сделать.

Впрочем, заговорился.

Введение

Встреча с матёрым¹

Будто заслон убрали – меня начало затягивать, словно дым в печную трубу. Мутные образы уходили на глубину, срывались и падали, растворялись почти мгновенно, уступая пространство лицу: немолодому уже, с тонкими бледными губами, узким длинным носом, глазами, будто уставшими от самой жизни, и поросшему несмелыми усами и бородой. Сон ушёл, и я снова был – я.

Егерь будит наверняка и отдельно каждого. Я первый на его пути, потому что лежу возле окна, ближе к двери. Увидев, что я вполне очнулся, егерь обращается теперь к Михаилу – будит его таким же способом: просто положив на плечо ладонь. Последним должен быть Иванов, но его нет теперь. Лежанка пустует вторую ночь.

Сегодня уже двенадцатый день, как мы здесь. Добирались сначала вдвоём с Михаилом: поездом до Калуги. На вокзале нас уже ждал Иванов: здоровый мужик с красным пористым лицом, в которое будто вдавил кто-то маленькие свиные глаза. Михаил коротко нас представил, и я, протянув ла-

¹ См. Приложение №1. Далее в тексте – [№1].

доть, ощутил крепкое Ивановское рукопожатие; он сопровождал это действие улыбкой, открывшей верхний ряд свинных же, как мне показалось, зубов.

От Калуги Иванов, знавший дорогу, повёз нас на своей машине. Рядом с ним, на пассажирском кресле, сидел Михаил – им двоим было, о чём говорить; я ехал на заднем сидении, уставившись на пейзаж в окне. Небо во все стороны было окрашено одноцветно-серым; вдоль дороги тянулись кочки, по ним скакали мимо деревья. Снега не было почти – всего на два пальца, но крепкий мороз, видимо, с прошлого дня ещё выгнал из деревьев сок, отчего ветки покрылись инеем. Тонкий воздух делал картину ясной.

Занять себя было нечем, но стоило только закрыть газа, как меня позвали: «Подъём! Приехали».

Встретивший нас монах проводил к настоятелю, который оказался человеком пронизательным – от такого не утаишься. После первого же знакомства настоятель понял о каждом из нас отдельно и в дальнейшем с каждым вёл себя соответственно. Несколько раз он встречал меня наедине. Чувство при этом было такое, будто во мне отмычкой ковыряют, пытаюсь открыть. Когда говорил, лицо настоятеля сохраняло покой, – казалось, он просто жуёт усы.

Двое насельников, которых нам отдали в услугу, провели нас к гостевому бараку – тихое строение в скиту. Внутри всё было просто: несколько лежанок, стол, стулья, русская печь в углу. Нужник – во дворе.

Неделю до начала охоты нам предстояло жить среди брательников, читать книги из местной библиотеки и совершать молитву. Такая жизнь, вкупе с отдалением – хоть и относительно – от цивилизации, должна была способствовать нашему очищению.

На второй день познакомились с егерем. Он подсел к нам за стол во время обеда в общей трапезной. Жизнь в лесу отразилась во внешнем виде и характере этого мужчины, походившего более на деревянную фигуру, нежели на человека из мяса и костей. Пробежав – когда уже были в бараке – глазами нашу лицензию [№1], егерь коротко изложил основные правила предстоявшей охоты, а пока она не началась, советовал сходить на рыбалку.

Близость реки и достаток свободного времени выбора не оставляли. Испросив согласие настоятеля, мы получили всё необходимое и следующим утром отправились на подлёдный лов – Иванов и я. Михаил отказался, сославшись на нелюбовь к рыбалке.

Мороз ничуть не ослаб с нашего приезда, но, кажется, стал ещё более крепок, так что воздух было остро вдыхать. Лёд простёрся от одного берега реки до другого, сдавив русло полуметровой толщей. Мы долго пробивали его, работая по очереди одной пешней, когда же добрались, наконец, до воды, она гейзером вырвалась из проруби, окатив нас брызгами. В монастырь, однако, вернулись не из-за мокрой одежды, а чтобы сделать мостки из имевшихся там досок.

Подмостив прорубь и вычистив её, мы сели ловить.

Улов наш был не сказать, что слишком богатый, но его хватило на жидкую уху для всей братии. Мелкую речную рыбёшку завернули в марлю, чтобы не расползлась во время варки и в бульон не попали острые кости.

В день перед охотой снова видели егеря. Он велел готовить оружие и вообще собираться.

Мы, скорее для вида, ещё раз осмотрели ружейные механизмы. Егерь занёс каждое ружьё в протокол и, попутно объясняя словами, выдал на подпись листки с правилами². После этого он развернул карту: «К загонам не пойдём, я осматривал вчера – следов нет почти, да и те старые уже. Сейчас морозы, так он ближе к деревне бродит: на полях пропитание легче найти. Мои привады [№1] не трогал, чует, что охота теперь пошла – хоронится. Я что думаю: мы как до деревни доберёмся, а оттуда – вот сюда, через поле. Как след найдём, так нужно его будет на запад жать. Собаку возьмём, так вернее будет». Далее пошёл разбор ситуаций, возможных к случаю.

Ужинали, как всегда, в общем зале; после получили благословение настоятеля и сразу отправились на покой. Утром егерь поднял нас раньше обычного.

...На месте каждый натянул поверх шапки красный колпак: от нечаянных друг по другу выстрелов. Пошли полем. Мороз отступил немного, но земля глубоко успела промёрз-

² См. Приложение №2.

нуть. Вывороченные техникой глинистые комья были твёрдыми, словно камни, и мне казалось, блестели синим; по ним трудно было идти. За неделю монастырской жизни у меня на лице отросла приличная щетина, которая теперь облипла инеем. Я легко мог представить свой вид, обернувшись на остальных.

«Туточки!» – егерь что-то разглядывал, наклонившись к земле. Это оказалась мёрзлая, трудноотличимая от земли картофельная поедь [№1]. Егерь подпустил к ней собаку: рослого арлекина Гермеса, взятого за отдельную плату в деревне. Кобель сунулся мордой в землю, потоптался, обнюхивая, и – видно, и впрямь неплохой выжлец [№1] попался, – повёл.

Бежали до леса, подступившего к пашне медленными деревянными шагами. Порыскав между деревьев, Гермес остановился возле одного и коротко гавкнул, указывая на что-то. Подойдя, мы увидели помёт. Он был несвежий и, очевидно, лежал здесь уже какое-то время, потому что успел замёрзнуть. «Рядом где-то. Наверяд ли далеко пойдёт,» – вслух задумался егерь и скомандовал собаке вести дальше.

Манера тропить [№1] у Гермеса была излишне предупредительна: он делал маленькие круги по лесу и – даже если забегал вперёд, скрываясь из виду, – дожидался нашего появления, только после этого возвращаясь к своим обязанностям. Такое поведение во многом облегчало нашу прогулку, не заставляя передвигаться слишком быстро, однако я всё же

обильно вспотел с непривычки, так что пришлось расстегнуть ватник.

Прошло не менее часа, прежде чем Гермес обнаружил некое подобие шалаша: еловые лапы, крышей уложенные над углублением в земле. Мы встали шагах в семидесяти от него, каждый у своего дерева, и егерь, как распорядитель охоты, бросил Гермесу короткое «Ату!». Кобель бросился к шалашу, облаивая его, но никакого ответного действия не последовало.

Мы подождали немного, потом подошли: шалаш оказался брошен. «Чует недоброе, хоронится. Надо думать, далеко не ушёл: костерок вон тёплый ещё. Идти надо. Эх! Боюсь не повалило бы сверху...» – егерь недоверчиво посмотрел на небо.

Он оказался прав: мороз уходил довольно быстро, а когда Гермес лаем оповестил, что добыча близка, на землю уже падали первые хлопья снега, на котором скоро стали заметны следы. Наш арлекин лаял теперь безудержно и, видимо, настолько разгорячился, что поведение его сделалось никудышным. Сетуя на нашу медлительность, он умчался вперёд, и мы слышали только лай, постепенно от нас уходивший. Потом Гермес и вовсе пустился взахлёб. По голосу, пёс больше не удалялся и лаял, находясь на одном месте, срываясь на хрип; затем было рычание, смешанное с другим, посторонним звуком, – и тишина.

Подоспев через минуту, мы увидели мёртвое собачье тело

возле кустов – у Гермеса была сломана шея.

От места, где случилась борьба, тянулись следы, уходившие в просвет, где начинались заросли камыша, и исчезающие в этих зарослях. От досады Иванов сдёрнул с плеча ружьё и выстрелил, не целясь. Он хотел бежать в камыши, но егерь осадил его: «Закончили на сегодня! Надо собаку в деревню снести. А этот не уйдёт. Тут ему одна дорога – на братские могилы...»

Снег повалил, да так густо, что в нём не различить ничего было далее пятнадцати шагов – плотная занавесь съедала объекты. Я долго стоял возле окна в доме егеря и наблюдал, как снаружи белая масса хоронит под собой землю. Когда стемнело настолько, что и снежинок было не разглядеть, егерь пригласил нас к столу.

Ужинали картофелем и грибами. В обход правил, егерь выставил перед нами графин с перцовкой, объяснив это тем, что сегодня день памяти его родителей. «Из деревни назад в Тамбов ворочались. Погода, вот, как теперь, была – дороги не видно. Так и вышло, что с „КамАЗом“ столкнулись», – тихо вспоминал егерь, очищая клубень от мундира. Только теперь мы узнали, что зовут егеря Андрей Иванович и лет ему сорок пять. «Квартиру я брату оставил, – нечего семейному человеку по съёмным площадям мыкаться, – а сам в столицу подался. Много перевидал, пока в банк заместителем главбуха не устроился. Восемь лет работе отдал, зарабаты-

вал, квартиру купил, не в центре, конечно, скромную, но хорошую. А потом... надоело всё...»

Медленный голос его странным образом смешивался с трескучими звуками из печи. «Завтра одни пойдём, собак брать не будем, им теперь – не нога», – заключил Андрей Иванович. Это было понятно.

Утром снега вокруг было столько, что взрослый мужчина, ступив на него, провалился бы, наверно, по самый зад, а собака и вовсе утонула бы в нём. Андрей Иванович, проснувшийся раньше всех, успел расчистить крыльцо и сделал дорожку до калитки, примяв рыхлый снег по краям широкой лопатой. Поверх одежды мы накинули белые плащи, чтобы не выделяться на зимнем фоне. Встав на лыжи, мы добрались до реки и дальше побежали не рядом с ней, а прямо по замёрзшему руслу. Андрей Иванович прокладывал лыжню, следом шёл Иванов, потом – Михаил. Я замыкал колонну. Последний раз на лыжах я ходил ещё будучи студентом, и теперь никак не мог удержать дыхание.

Перед мостом свернули к лесу. Чтобы не ходить всем вместе, Андрей Иванович предложил разделить: решили, что я пойду с ним, а Михаил – с Ивановым. Замысел состоял в том, чтобы обойти братские могилы, расположенные чуть южнее моста, с двух сторон и таким образом окружить старца. Однако едва мы с Андреем Ивановичем вышли к месту, как с противоположной стороны послышался дуэт [№1] – видимо, Михаил пальнул из своей двустволки. Мы услы-

шали крики, которые неуклонно приближались к нам. Скоро между деревьями замелькали красные пятна – колпаки Иванова и Михаила. Они бежали лишь под незначительным углом к нам, и Андрей Иванович предупредительно дунул в рог, чтобы нас заметили и не стреляли. Обернувшись, Михаил начал делать знаки рукой, указывая на что-то, и тогда я заметил тёмную, скользнувшую было к нам, фигуру. Я вскинул ружьё и прицелился, но фигура, метнувшись влево, исчезла за кустом. «Скорей!» – крикнул Андрей Иванович, но – момент был упущен.

Возле куста я обнаружил только несколько капель красного на снегу и уходящую в лес полосу следов и, как ни всматривался, кругом были только деревья.

Сошлись на том, что старца нужно добрать [№1]. «Раненый, далеко не уйдёт!» – горячился Иванов, утирая рукавом потный лоб. Михаил высказал опасения, что старец может уйти за реку. «За рекой заказные [№1] земли кончаются, там браконьеры шалят, так что не сунется», – возразил на это Андрей Иванович.

Следы уходили в снег лишь на чуть, будто не человек, а белка пробежала. Кровавых пятен больше не было видно.

Тропа забирала вправо и, описав большую, в несколько километров, дугу, привела к дороге. По счастью, снег здесь ещё не убрали, так что след не терялся. Старец шёл теперь к югу, к той как раз деревне, где мы арендовали несчастного гончего кобеля. Андрей Иванович велел смотреть больше

по краям, чем на саму дорогу: «Так наверно увидите, если к лесу сойдёт. Не в деревню же он». И точно – перед развилкой следы дали вправо и снова ушли в лес.

Идти на лыжах мне становилось всё труднее: снег не осел ещё, и я постоянно проваливался в него, ноги сворачивались поминутно. Дыхание моё без привычки совсем сбилось, и гландами и нёбом я ощущал сукровичный привкус. Андрей Иванович не видел этих мучений – либо не хотел их видеть – и скользил вперёд, будто по ровному льду на коньках бежал.

Легче стало, когда убавили до спокойного шага. Андрей Иванович сделал пальцем знак, чтобы мы не шумели, сам был осторожен и внимателен, всё более замедлял ход, а скоро и вовсе остановился. «След бросать надо. Он к реке идёт, близко уже тут. На нашей стороне озера есть и болотце. Он теперь там где-нибудь заляжет, а нам обход надо делать».

Двинулись от тропы. Лес кончился на значительном от реки расстоянии, и перед нами лежало пустое заснеженное пространство. Не выходя на открытый снег, Андрей Иванович повёл краем, по мелкому ельнику. На беду, с неба снова начало падать, так что, когда мы снова наткнулись на след, его почти занесло уже. «На болото ушёл», – подтвердил свою догадку Андрей Иванович. «Вон, слышно, сорока стрекочет: его зачужала».

Иванов хотел тут же идти к болоту, и мы поддерживали его, но Андрей Иванович остановил, сказав, что теперь, если

спугнём старца, нам его долго нагонять придётся. А так – он в болоте пережидать будет и никуда не денется, так что лучше устроить облаву на следующий день.

После лыжного пробега мы все – я в особенности – чувствовали усталость и поэтому, хоть и были в азарте, согласились продолжить охоту утром. Егерский дом оказался не далее, чем в трёх километрах к северу от болота. Затопив печь, Андрей Иванович оставил нас отдыхать, а сам отлучился в монастырь – набрать загонщиков.

Утром, наскоро перекусив хлебом, мы поспешили на место. В леске недалеко от болота нас уже поджидали сорок человек монашеской братии. Андрей Иванович увёл их ближе к реке и выстроил для облавы, затем вернулся к нам и велел брать номера [№1] из шапки. Я вышел вторым и должен был стоять между первым Ивановым и третьим Михаилом по центру линии [№1]. Утоптав кругом снег, я присел, спрятавшись за калиновым кустом, и приготовил оружие. Мне было видно, как Михаил, тоже утоптав под ногами площадку, встал на изготовку, прислонившись плечом к стволу старой берёзы. Андрей Иванович дунул в рог, и цепь монахов, издавая моленные звуки, пришла в движение.

Казалось, время тянется необычно долго. Я начал думать уже, что старец ушёл с болота и ожидать его бесполезно, как вдруг, прямо перед монашеской грядой, из-под снега вырвалось чёрное. Изготовив ружьё, я смотрел, не побежит ли ко мне, однако фигура дала левее – там стоял Иванов. От мысли, что

теперь точно на меня не пойдёт, взяла такая досада, что я опустил ружьё. И зря: видно, что-то почуяв, старец поменял направление, и скоро я увидел его так близко, что можно было стрелять. И я выстрелил.

Пуля стукнула в дерево, а пока я перезаряжал, старец был уже далеко. Он снова бежал на Иванова, и скоро тот выстрелил – тоже промах.

Видя, что добыча уходит, я решил стрелять в угон [№1], но не мог поймать мечущуюся цель.

С первого номера прозвучал ещё один пудельной [№1] выстрел, а потом я увидел, как Иванов с криком бежит за старцем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.